

Савченкова Нина Михайловна

доктор философских наук,
доцент кафедры междисциплинарных
исследований и практик в области искусств
Санкт-Петербургского государственного университета

Мавринский Илья Игоревич

кандидат философских наук,
старший преподаватель кафедры онтологии
и теории познания
Санкт-Петербургского государственного университета

**РИТМ И РИТМИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА:
ЧЕРЕДОВАНИЕ ДИСКУРСА
И СОБЫТИЯ**

Аннотация:

Статья посвящена анализу соотношения ритма и ритмической структуры. Понятие ритма конкретизируется посредством свободной игры порядка, воли, удовольствия и движения. Подчеркивается, что пространство этой игры или того, что задает ритм, есть событие. Отпадение от события означает смену ритма ритмической структурой, что ведет к формированию дискурса. Делается вывод о том, что таким образом происходит чередование дискурса и события.

Ключевые слова:

ритм, ритмическая структура, дискурс, событие, порядок, удовольствие, воля, движение.

Savchenkova Nina Mikhailovna

D.Phil. in Philosophy, Associate Professor,
Arts Interdisciplinary Studies
and Practices Department,
Saint Petersburg State University

Mavrinsky Ilya Igorevich

PhD in Philosophy, Senior Lecturer,
Ontology and Theory of
Knowledge Department,
Saint Petersburg State University

**RHYTHM AND RHYTHMIC
STRUCTURE: ALTERNATION OF
DISCOURSE AND EVENT**

Summary:

This article analyses the correlation of a rhythm and a rhythmic structure. The concept of rhythm is specified by the free game of the order, will, pleasure and movement. It is emphasized that the event is the phenomenon that generates the space of the game or the rhythm. The secession from the event means the change of the rhythm in the rhythmic structure, which leads to the formation of a discourse. It is concluded that the discourse and the event alternate this way.

Keywords:

rhythm, rhythmic structure, discourse, event, order, pleasure, will, movement.

Мыслительная ситуация, в которой предмет из самоочевидного, формального или операционального становится проблематическим даже в отношении доступа к нему, способа удержания его определенности, отнюдь не нова. Причем эта судьба постигает подчас те понятия, предметы или структуры, которым мысль обязана в том числе и своей дискурсивной определенностью; в которых укоренена уже сама наличность предметности или последняя обретает собственное место; по которым выстраиваются линии напряжения, разворачивания, проявления мысли из некоторого истока.

Одна из таких проблематических зон может быть обозначена через указание на ритм и ритмическую структуру. *Отсутствие* ритма (пусть даже мнимое) обнаруживает его связь с порядком; *нарушение* (сбой) ритма проявляет динамику удовольствия; *смена* ритма указывает на неравновесность движения; наконец, *оспаривание* ритма открывает пространство воли. При этом удовольствие, порядок, движение и воля есть то, что захватывает, правит, влечет, оставляя в стороне некоторое условие, нередуцируемый остаток, точку начала, из которой или по направлению к которой выстраивается, раскрывается, пребывает в ожидании собственной заметности ритм. Здесь оппозиция ритма и ритмической структуры может быть введена как бинарная: ритмическая структура складывается, вводится, разворачивается и реализуется в незаметности ритма, то есть в ситуации прочности оснований и власти захваченности чем-либо. Напротив, ритм обнаруживается, замечается там, где власть захватывающего оказывается недостаточно полной, то есть там, где, отступая к своему истоку, порядок, удовольствие, движение и воля перестают удерживать происходящее.

Именно здесь, в некотором разладе, выпадении из структуры раскрывает себя связь ритма со стремлением, уверенностью, направлением и самостью. «Необходимо, чтобы самый обычный шаг содержал в самом себе отсутствие равновесия, чтобы занести себя вперед, чтобы позволить следовать за собой другому такому же шагу, который бы состоялся, и чтобы последующий сводился бы к тому же самому, но другому. Необходимо, чтобы прихрамывание было заложено еще до любого ритма, даже до ходьбы, *unterwegs* (нем. *по пути, на пути*. – И.М., Н.С.). До любого случайного ухудшения, которое могло бы заставить хромать само прихрамывание. Это ритм» [1,

с. 639]. «Отсутствие равновесия» означает стремление к восполнению этой нехватки, к обретению равновесия, отсылает к непосредственному, хаотичному и неупорядоченному движению восстановления организации того, кто или что теряет равновесие. Следование одного шага за другим таким же задает порядок чередования, в котором само чередующееся оказывается подчиненным порядку смены, лишенным своей индивидуации, «случайное ухудшение» и есть отклонение от направления, обретение различия *этого* шага от предыдущего, грозящего стать преградой для следующего, то есть не позволить движению разложиться в серию. В этой ситуации и проступает «*unterwegs*» – то, что сопровождает даже самый обычный шаг: интенсивность, опору, цель, идущего. То, что соединяет интенсивность, опору, цель, идущего в одном процессе, протекании, определяет их свободную игру, не редуцируется к простой сумме и не остается в результате анализа, разложения так сложного целого, и есть ритм.

Ритмическая структура в таком случае выстраивает иной, пусть и соотнесенный с этой четверицей ряд: склонность, гарантия, траектория и присвоение. Склонность обнаруживает собственную укорененность в порядке, в возможности найти нечто там, где ему уже определено место, где различие в ряду чередующегося оказывается принадлежностью «матемы» (А. Бадью), то есть в движении «шаг за шагом». К этому отсылает нас И. Кант в «Критике способности суждения», говоря, что постижение природы при делении ее на роды и виды, лежащее в основе опытного познания, несомненно, сопровождалось удовольствием, которое лишь в силу повторяемости перестало замечаться [2]. Связываемая с этим удовольствием склонность к формированию регулятивных понятий, к установлению порядка там, где он является лишь «как если бы» порядком, прочерчивает линию от удовольствия не к тому, что задает ритм – стремлению, но к манифестации ритмической структуры – склонности. Порядок оказывается тем, к чему склоняется наше рассуждение или разыскание еще до того, как начаться. Порядок ждет собственного раскрытия, момента, когда будет сформулирован [3], когда будут даны гарантии тому, что предугадывается и ожидается, равно как и тому, что явит себя в нем. Тогда всякое начинание, уже имея в виду возможность порядка, прочерчивает траекторию взгляда, знающего куда смотреть, где обнаруживать сходство и различие; мысли, производящей фильтрацию на существенное и несущественное, отбирающей собственные предметы, ищущей подтверждений и верификаций; жеста, гарантированного в своей успешности, включенного в языковую игру, формирующего порядок выражения, скрывающего подлинное движение. Траектория прочерчивается из настоящего в будущее (ожидание порядка) и прошлое (забвение цели) [4], смыкая ритмическую структуру: на месте реализации самости оказывается присвоение происходящего.

В оппозиции ритма и ритмической структуры, таким образом, уже задан горизонт: к истоку четверицы порядка, движения, удовольствия и воли или же от него. Движение к истоку есть движение к смене или обретению иного ритма. Движение от истока есть становление и разворачивание ритмической структуры. То, что заложено уже в самом корне $\rho\acute{\epsilon}\omega$ (др.-греч. «течь», «струиться», «растекаться»), от которого происходит $\rho\acute{\iota}\theta\mu\acute{o}\varsigma$, отсылает к некой процессуальности, множественности, безразличной к монотонности или прерывистости смены, к, если угодно, возможности перевода взгляда, принципиальной незаконченности речи, отличию одного сущего от другого.

Исток оказывается тем, что отсылает к нахождению вне текучести происходящего, маркирует ситуацию недифференцированной предметности, отсылает к некоторому начальному состоянию, в котором «вещи были вперемешку» [5] и за выпадение из которого они (вещи) платят друг другу дань в «назначенный срок времени» [6]. Иными словами, исток отсылает к «той стороне» движения и покоя, удовольствия и страдания, порядка и множественности, воли и апатии (непретерпевания). Исток обозначается некоторым моментом, не отмеченным печатью сущего, не подпадающим под условие его (сущего) наличия и существования, то есть моментом вне времени – моментом «вдруг». «Вдруг», ибо это «вдруг», видимо, означает нечто такое, начиная с чего происходит изменение в ту или другую сторону. В самом деле, изменение не начинается с покоя, пока это – покой, ни с движения, пока продолжается движение; однако это странное по своей природе «вдруг» лежит между движением и покоем, находясь совершенно вне времени, но в направлении к нему и исходя от него изменяется движущееся, переходя к покою, и покоящееся, переходя к движению» [7, с. 472].

Платоновский момент «вдруг» означает чистую событийность, где «в направлении к нему» задает движение выпадения из ритмической структуры. Так, порядок претендует на всеобщность собственного простираемого пространства (таблицу) возможностей, задающее гарантированную определенность места того, что еще только может обнаружить себя. Удовольствие обнаруживает себя как центр притяжения (склонности), формируя горизонт ожидания, растворяясь в череде тиражирований, воспроизведений, собственной неустрашимости. Движение описывается через траекторию, устраняя измерение цели, трансформируя собственное единство, стирая различия

в движущемся. Наконец, воля оказывается волей к власти над происходящим, его нивелированием через присвоение. В моменте «вдруг» речь идет уже не о прихрамывании, через которое раскрывается ритм, но о хромоте, раскрывающей ритмическую структуру в ее недействительности. Вещи, сорванные с пазов собственной определенности, равно как и сокровенная, вырванные из уст, обнаруживают то, что М. Хайдеггер называл отшатыванием. Отшатывание как атрибут ужаса перед обнаруженным и в этом обнаружении дистанцированным сущим [8] задает обратное движение – от момента «вдруг».

Событие, которое, как писал Ж. Делёз, в логике смысла либо вот-вот произойдет, либо только что произошло [9], оказывается тем, в окрестности чего мы находимся в каждый момент времени. Отпадение от события, движение от момента «вдруг» оказывается движением разворачивания дискурса: в постсобытийном пространстве обнаруживается уже наличествующая смена ритма: 1) связанная со стремлением к удержанию того, что раскрылось в событии; 2) требующая выстраивания (перестраивания) порядка, недействительность которого установлена, учреждена событием; 3) связанная с полаганием самого события как цели, вводящим требование аутентичности, соотносительности с событием; 4) наконец, требующая воли к удержанию себя в границах величайших оков события, в верности ему (А. Бадью). Дискурс, таким образом, разворачивается в мучительных поисках языка, единичность которого окажется соразмерной событию, в формировании процедур раскрывающегося в событии, в отличении и различении, узнавании события в происходящем и, наконец, в дисциплине, подчиняющей и сводящей все линии напряжения к динамике событийности.

Разворачивающийся дискурс, конечно же, неизбежно ведет к формированию и установлению ритмической структуры, движение от момента «вдруг» обнаруживает отсутствие собственного предела и как предела утраты предметности (гуссерлевское указание на утрату вещей), и как предела тиражирования смысла (делёзовское указание на трансформацию концептов в понятие), и как предела отпадения от мысли (хайдеггеровское указание на безмыслие науки). Однако же в самом дискурсе и порядках его разворачивания заложена событийная возможность стремления к предельности, сохранения ритмики движения, удержания границ определенности и раскрытия непотаенности.

Чередование дискурса и события в таком случае оказывается движением вокруг «спокойной точки вращения мира» (Т.С. Элиот), в которой обретается ритм, из которой разворачиваются ритмические структуры, которая раскрывает пространство встречи прошлого с будущим. Движение от этой точки или к ней подпадает под гераклитовское указание на то, что путь вверх и вниз – один и тот же, обозначающее не тождество или совпадение, но принципиальную возможность обретения события, в окрестностях которого путь только и может иметь место.

Ссылки:

1. Деррида Ж. О почтовой открытке от Сократа до Фрейда и не только. Минск, 1999. 892 с.
2. Кант И. Критика способности суждения // Кант И. Собрание сочинений : в 8 т. М., 1994. Т. 3. 414 с.
3. Фуко М. Слова и вещи. СПб., 1994. 408 с.
4. Бланшо М. Ожидание забвения. М., 2000. 214 с.
5. Анаксагор. О природе // Фрагменты ранних греческих философов. М., 1989. Ч. 1. 576 с.
6. Анаксимандр. О природе // Там же.
7. Платон. Парменид // Платон. Собрание сочинений : в 4 т. / под ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. М., 1990. Т. 2. 528 с.
8. Хайдеггер М. Что такое метафизика? [Электронный ресурс]. URL: <http://epistema.narod.ru/heidegger1.htm> (дата обращения: 12.11.2015).
9. Делёз Ж. Логика смысла. М., 1998. 480 с.

References:

1. Derrida, J 1999, *On a postcard from Socrates to Freud and beyond*, Minsk, 892 p.
2. Kant, I 1994, 'Critique of Judgment', in Kant, I, *Works: 8 vols.*, Moscow, vol. 3, 414 p.
3. Foucault, M 1994, *Words and things*, St. Petersburg, 408 p.
4. Blanchot, M 2000, *Waiting oblivion*, Moscow, 214 p.
5. Anaxagoras 1989, 'On the nature', *Fragments of the early Greek philosophers*, Moscow, part 1, 576 p.
6. Anaximander 1989, 'On the nature', *Fragments of the early Greek philosophers*, Moscow, part 1, 576 p.
7. Plato 1990, 'Parmenides', in Plato, *Collected Works: 4 cols.*, Moscow, vol. 2, 528 p.
8. Heidegger, M 2015, *What is Metaphysics?*, retrieved 12 November 2015, <<http://epistema.narod.ru/heidegger1.htm>>.
9. Deleuze, G 1998, *Logic of Sense*, Moscow, 480 p.